

1

— Мамочка, милая, не уходи! Пожалуйста, не уходи, забери меня с собой! — Машка захлебнулась слезами и с невероятной силой вцепилась в Лерину руку.

Та попыталась высвободиться и, стараясь не глядеть на бледное, зареванное лицо дочери, ласково погладила ее по белокурой головке:

— Маша! Ну, Машенька! Тише, ты ведь уже большая. Я скоро вернусь. Ты покушаешь, поспишь, и я сразу...

— Нет! — горьким шепотом перебила девочка. — Я не хочу! Хочу сразу с тобой! Сейчас! — Она уткнулась ей в бок, продолжая бормотать что-то жалобное и неразборчивое.

Лера беспомощно оглянулась на стоящую рядом воспитательницу, веснушчатую девицу в больших очках на курносом носу. На равнодушно-сонном лице девицы явственно читались скука и легкое презрение — вероятно, подобные сцены в детском саду были не редкостью.

— Идите, мамочка. — Веснушчатая цепко обхватила рыдающую Машку за плечи. — Идите, ребенок сам успокоится.

Она неожиданно умелым, ловким движением оторвала девочку от Лериного бока и быстро повела в группу. Машка, упираясь, заревела в голос, но воспитательница мигом втолкнула ее в комнату и захлопнула дверь.

Лера осталась одна посреди раздевалки. Она стояла между рядами шкафчиков со смешными, яркими картинками и чув-

ствовала себя так, будто у нее только что отрезали и унесли руку или ногу. Напряженно прислушиваясь к приглушенному плачу за закрытой дверью, Лера машинально дотронулась до блузки, в том месте, где ее касалось Машкино лицо. Ткань была совсем мокрой и почему-то горячеей.

Лера сделала несколько неуверенных шагов к выходу, но тут же остановилась и вернулась на прежнее место. Крадучись, точно вор, она подобралась к двери и приоткрыла ее. Тотчас навстречу ей высунулось свирепое лицо нянечки.

— Куда лезешь? — злым шепотом спросила старуха. — Чего дитю душу вынимаешь? Сказано тебе, иди с Богом, стало быть, ступай! — Женщина внимательней глянула на Леру и смягчилась: — Не ты первая, не ты последняя. Успокойся, никуда не денется, ты, девка, даже не сомневайся. Вон сама-то бледная какая, не ровен час, худо станет. — Бабка сочувственно покачала головой: — Дать водички?

— Нет, спасибо. — Лера с трудом заставила себя улыбнуться. — Все в порядке. Я сейчас уйду. Вы только помягче с Машей, ей и так несладко пришлось, я заведующей рассказывала. Она к отцу очень привязана, а так получилось, что... — Лера замялась, чувствуя себя униженной, оттого что приходится выкладывать незнакомому человеку неприятные подробности своей жизни, но нянечка неожиданно пришла ей на помощь.

— Знаю, знаю, — махнула она рукой, — все знаю. Вера Васильевна говорила и мне, и Кате, Катерине Михайловне то есть. — Старушка кивнула на дверь, явно имея в виду очкастую воспитательницу. — Ступай, дочка, все образуется.

Лера послушно повернулась и вышла. На душе было мерзко, терзало чувство вины перед Машкой. Хотелось вернуться, наговорить веснушчатой Катерине Михайловне кучу гадостей, объяснить, что никто не имеет права презрительно смотреть на них. У Машки есть все причины так себя вести — пережив сильнейший стресс, девочка нуждается в понимании и сочувствии.

Лера с трудом подавила в себе эти желания. Обойдутся они и без чужой жалости!

Она решительно запахнула плащ, раскрыла зонтик — на улице моросил мелкий, противный дождик — и взглянула на часы: без десяти девять. Их расставание с Машкой затянулось почти на час. А в девять Лере нужно быть в больнице.

Она очнулась, словно выйдя из ступора, и бегом кинулась к остановке, куда подъезжал заляпанный грязью автобус. Дверцы захлопнулись прямо у Леры за спиной, и автобус медленно и тяжело покатил по лужам.

Ровно в девять Лера уже поднималась по плоским ступенькам ближайшего к ограде корпуса. Всего их было три, они располагались параллельно друг другу. Боком к ним стоял пещблок, а совсем на отшибе белело маленькое, одноэтажное здание морга.

Лера сунула под нос охраннику выписанное ей накануне удостоверение и проскользнула в лифт. Следом за ней вошел молодой вихрастый санитар, приветливо поглядел на девушку и улыбнулся:

— На шестой.

— На пятый. — Лера улыбнулась ему в ответ.

— Жаль, чуть-чуть не попал. Я думал, в хирургическое, к нам. Медсестра?

— Врач.

Парень уважительно кивнул. Лифт остановился.

— Ну, пока! — Вихрастый помахал огромной пятерней. — Заходи, когда будет время. Спросишь Антона, меня тут все знают.

— Обязательно! — насмешливо проговорила Лера и вышла.

Коридор пятого этажа, где находилось терапевтическое отделение, оказался неожиданно безлюдным, лишь в самом его конце гремела ведром санитарка. На банкетке у окна сидели две женщины, облаченные в халаты, и тихонько о чем-то беседовали. На прошедшую мимо Леру они даже не взглянули. Аккуратно ступая по только что вымытому и еще влажному

линолеуму, она добралась до ординаторской, дверь в которую была прикрыта, и постучала. Ответа не последовало, и Лера заглянула внутрь.

Комната была пуста, однако на столе лежала стопка медицинских карт, стояла недопитая чашка кофе, а на спинке стула висела серая вязаная кофта. Лера прошла в смежную с ординаторской гардеробную, отыскала свободный шкафчик, скинула плащ и жакет и достала из сумки форму — халатик и шапочку, выданные ей завхозом.

Она уже пристроила плащ на вешалку, когда легонько скрипнула дверь и в ординаторскую зашла высокая фигуристая блондинка. Глаза и губы ее были густо накрашены, волосы туго забраны в пучок на макушке. Блондинка уверенными шагами пересекла комнату и остановилась у соседнего шкафчика.

— Новенькая? — Тонко выщипанные брови девушки слегка поднялись, глаза неопределенного, дымчато-серого цвета уставились на нее с любопытством и дружелюбно.

— Да. — Лера кивнула и сунула вешалку в шкаф.

— Как зовут? — Блондинка не спеша расстегнула молнию на кожаной курточке, явив взгляду пышный, обтянутый трикотажной водолазкой бюст.

— Лера, — ответила она, — Валерия.

— А я Анна. — Девушка окончательно избавилась от куртки и принялась натягивать на свои потрясающие формы халатик, который явно был ей тесноват. — Ты на место Светки?

— Не знаю, — пожала плечами Лера. — Я сама по себе. По крайней мере, мне ничего не говорили по поводу Светки, я даже не знаю, кто она такая.

— Страшная стерва! — уточнила Анна, пристально взглянула на нее и неожиданно весело расхохоталась. Смеялась она так заразительно, что Лера невольно присоединилась к ней. Несмотря на явную вульгарность и грубость, Анна ей нравилась.

— Куришь? — Анна застегнула на груди последнюю пуговку, вытянула из сумки пачку «Кэмела» и зажигалку в форме слоника.

— Иногда.

— Тогда пойдем постоим на балкончике, — предложила она и, бесцеремонно подхватив Леру под руку, увлекла за собой в коридор.

Там уже царило оживление: больных на скамейках прибавилось, то здесь, то там мелькали синие халаты медсестер, кто-то тащил капельницу, кто-то вез тележку с лекарствами.

— Туда. — Анна указала в конец коридора.

Лера поспешно шагала за новой приятельницей, с любопытством оглядываясь вокруг.

Она чувствовала легкое волнение и подъем: разве не об этом мечталось ей все эти годы? Работать в настоящей больнице, пусть в небольшом, но слаженном коллективе, заниматься делом, выбранным еще с детства, которому уже отданы шесть тяжелых лет учебы, но так и не пришлось им заняться всерьез.

— Ну вот, гляди, как у нас тут здорово. — Анна свернула направо и остановилась перед плотно закрытой дверью. Она рывком потянула ее на себя, и на Леру пахнуло дождливой свежестью.

Девушки вышли на длинный узкий балкон с низкими витыми перильцами. В углу горбилась темная фигура. Она обернулась на шум и оказалась женщиной лет тридцати — тридцати пяти. На ней не было формы, черный свитер сплошь покрывали капельки дождя, они застряли в гладких прямых волосах, свободно струившихся вдоль щек.

— Анюта, привет, — кивнула женщина и внимательно посмотрела на Леру.

В ней было что-то от монахини: высокая худая фигура, правильные, но сухие черты лица, темные глаза — почти не накрашенные, но выразительные, яркие, словно подсвеченные изнутри.

— Привет, — поздоровалась Анна. — Ты уже тут, с утра пораньше?

— Тут, — подтвердила длинноволосая. — Не спалось чего-то, в пять встала, в полседьмого уже здесь была. Это кто? — Она кивнула на Леру.

— Врач. — Анна, улыбаясь, обняла ее за плечи и подтолкнула вперед. — Вместо Светки взяли. Той месяц до декрета остался.

— Врач, — задумчиво повторила «монахиня», продолжая неторопливо разглядывать девушку, — что ж, хорошо. Светлане-то тяжело, будет теперь кому ей помочь. Это хорошо. — Голос у нее был ровным и монотонным, как нельзя более соответствующим внешности, и говорила она со странной интонацией, по несколько раз повторяя слова, точно гипнотизируя.

Анна чиркнула зажигалкой и закурила, отворачиваясь от ветра. «Монашка» выкинула окурочек с балкона и протиснулась между ней и Лерой.

— Курите, девочки, не буду вам мешать.

— Да брось, Наташка. — Анна пожала плечами, с наслаждением делая глубокие затяжки, что выдавало в ней заядлую курильщицу, с трудом ожидающуюся очередной сигареты. — Поймай с нами. Ты не мешаешь.

— Пойду, — возразила Наташка, — дел полно. Я еще не переоделась даже.

И она бесшумно скрылась за дверью.

— Какая странная, — тихо сказала Лера. — Похожа на монахиню, правда?

— Правда, — захохотала Анна, — она у нас и есть Наташка-монашка.

— Кем она работает?

— Она? Старшая медсестра. Между прочим, отличная сестра, таких поискать. Она тебе не понравилась?

— Ну почему сразу не понравилась? — смутилась Лера.

Она никак не могла привыкнуть к манере Анны говорить все в лоб. Однако в глубине души чувствовала, что та права — Наталья действительно вызвала у нее неприязнь.

— Я просто так спросила, из интереса, — объяснила она.

— Да брось, — спокойно проговорила Анна, — она всем поначалу не нравится. Думают, что она того. — Анна повертела пальцем у виска. — А потом привыкают. Она добрая, славная, работу любит фанатично. В больнице сто лет, дноет и ночует здесь. Семьи-то у нее нет.

— Почему?

— Черт ее разберет! — Анна жадно докурила сигарету и тут же полезла за новой. — А ты что ж? — спохватилась она, глядя на Леру, и протянула пачку. — Угощайся.

Та взяла сигарету и нехотя зажгла. Она относилась к этому равнодушно, курила так, за компанию.

— Что-то ты кислая, — изрекла Анна, наблюдая за ее вялыми движениями. — Такая куколка, а глаза того и гляди потекут. С чего бы это?

— Глупости, — обиделась Лера. — Вовсе я не кислая и реветь не собираюсь.

— Ну ладно, ладно, — примирительно произнесла Анна. — Не лезь в бутылку. Просто мне показалось, что ты чем-то расстроена. Извини, если ошиблась.

— Не ошиблась, — тихо проговорила Лера. — Дочку я в садике оставила. В первый раз.

— Сколько дочке?

— Пять, скоро шесть.

— У! — присвистнула Анна. — Здоровая, в школу уже пора. Чего волноваться, не малышка же?

— Для меня малышка. — Лера опустила голову.

Никому она не рассказывала о своей жизни и о том, что случилось с ней за последние полгода, ни одной живой душе, кроме заведующей детсадом, Веры Васильевны. И не собиралась рассказывать — до этого момента. Но сейчас Лера вдруг

почувствовала, что не может больше молчать, копить в себе боль и обиду, гнев и отчаяние.

— Для меня малышка, — повторила она и сломала недокуренную сигарету. — Я из-за нее не работала все эти годы. Семи-месячная она у меня родилась, болела долго.

...Машка родилась, когда Лера оканчивала последний курс мединститута. Девушку забрали в роддом прямо с экзамена, когда до срока, поставленного врачами, оставалось ровно два месяца.

Дочку Лера увидела лишь через три недели — все это время та лежала в кювете для недоношенных, и прогнозы были самые неблагоприятные. Чудом выжившего ребенка выписали наконец домой, и начался настоящий ад: аллергия шла за диспепсией, а за ними — бесконечные простуды.

Уколы, таблетки, ночные вызовы «Скорой», больницы, где приходилось спать буквально на полу и мыть палаты, чтобы разрешили остаться с дочкой. За несколько месяцев Лера из очаровательной, розовой пампушечки превратилась в сухой, бесцветный скелет. Врачи, глядя на нее, разводили руками: мол, чего вы хотите, у ребенка глубокая недоношенность плюс стафилококк.

Госэкзамены молодая мама кое-как ухитрилась сдать, а о работе пришлось забыть. Машка занимала всю жизнь без остатка. Кормления, укрепляющие ванны, массаж, прогулки по три часа в любую погоду — все это выполнялось неукоснительно и методично, строго по рекомендациям врачей, и не было в мире такой силы, которая заставила бы Леру отступить, хотя бы на малую толику нарушить режим, пропустить какую-нибудь процедуру.

К трем годам Машка окрепла настолько, что почти сравнялась со сверстниками. О страшных болезнях напоминали лишь худоба и бледность, а в целом она была даже более развитой, чем дети ее возраста.

Лере страстно хотелось выйти на работу. Вспоминалось счастливое время, когда она проходила практику в терапии.

Все у нее тогда ладилось, все получалось, и заведением не мог нахвалиться на расторопную, толковую студентку. Муж, Илья, бывший однокурсник, уже несколько лет работал в госпитале, успешно делая карьеру, и вечерами, слушая его рассказы о работе, Лера изнывала от тоски и зависти.

Однако расстаться с Машкой она не решалась. Бабушки-дедушки далеко, в других городах, а в сад отдавать такого слабого ребенка врачи настоятельно не рекомендовали. Так и сидела Лера с дочерью, пока той не исполнилось пять. Через пару месяцев после Машкиного дня рождения врач Морозовской больницы, у которого все эти годы наблюдалась девочка, осмотрел ее и сказал Лере:

— Ну, милая, вы просто героиня. Ребенок абсолютно здоров. Более чем кто-либо другой. Завидую вашему мужеству и упорству.

Домой Лера летела как на крыльях. Машка здорова, позади ужасные годы, бессонные ночи, страх потерять ребенка. Впереди — полная жизнь, возможность хотя бы немного работать, заниматься любимым делом.

Она не сразу поняла, что случилось. Почему раскрыта створка шкафа, в котором хранились вещи Ильи? Почему видны пустые полки? Глянула на вешалку и не увидела привычно висевшей там куртки, в которой муж выходил во двор выбить ковер, вынести мусор, погулять с Машкой.

На кухонном столе лежала записка, придавленная солонкой. Лера схватила ее, прочла, рассеянно повертела в руках, снова пробежала глазами и отложила.

Она все равно не понимала. Ничего не понимала! Илья писал, что уходит к другой, к той, которую давно любит. Ему очень жаль и стыдно, но он ничего не может поделать. Давно хотел все объяснить, пытался поговорить, но она не видела, не желала слушать. И так далее.

Лера, как была, в пальто и сапогах, опустилась на табурет посреди кухни. Как же так? Почему она ничего не заметила, не заподозрила, что у мужа есть любовница? Ведь можно было до-

гадаться! Он поздно возвращался домой в последние месяцы, но Лера считала, что муж задерживается на работе. Он часто уходил с телефоном в комнату и закрывал за собой дверь, но ее это не смущало: она опять-таки полагала, что муж занят деловыми переговорами. Кажется, иногда от него пахло духами. Как-то Лера даже шутливо поинтересовались, откуда этот едва уловимый сладкий запах. Илья рассмеялся, ответив, что у одной из сестер в отделении довольно стойкая туалетная вода, и все сотрудники страдают от этого.

А она, дуреха, поверила. Слепая, наивная идиотка! Лера готова была убить себя за свои глупость и доверчивость. И только когда позабытая ею Машка подошла и положила голову ей на колени, она внезапно поняла, что не была слепа. Просто все эти годы она смотрела в другом направлении — на больного ребенка, напряженно вглядывалась в детское личико, пытаясь не пропустить страшные симптомы. Она не ждала нападения с тыла, от того, кого считала главным союзником в тяжелой борьбе за Машкину жизнь. Потому и не придавала значения мелким странностям в поведении мужа, считая, что они вместе, рука об руку выполняют общую задачу. На следующий день Илья позвонил. Говорил сумбурно, лепетал что-то в свое оправдание, просил заботиться о Машке.

— Заботиться о ней я буду и без твоего напоминания, — сухо сказала Лера. — Давай лучше решим, как часто и по каким дням вы будете видеться.

Этот ровный, безразличный тон давался ей с трудом. Хотелось зареветь в голос, с языка рвались едкие, обидные слова, но Лера сдержала себя.

— Видишь ли, — промямлил Илья в ответ, — у Марины тоже есть ребенок. Мишутка, ему уже десять. Он очень ко мне привязался.

— Я рада за тебя, — проговорила Лера, — но какое это имеет отношение к Маше?

— Самое прямое, — возмутился Илья. — Я хочу усыновить мальчика. Он нуждается в отце не меньше, а может,

даже больше Маши. Поэтому, как бы это выразиться, первое время я...

— Я поняла, — перебила Лера. — Первое время, пока ты не разберешься в новых отцовских чувствах, Маше не следует тебя ждать?

— Зачем ты так? — возмутился Илья. — Я просто хотел сказать, что мне нужен месяц, может быть, два. Объясни Маше, скажи, что я уехал в командировку, например.

— О'кей. — Лера еле сдержалась, чтобы не швырнуть трубку в стену, где висела их с мужем свадебная фотография. — Я постараюсь ей объяснить. Не знаю, правда, насколько хорошо у меня получится. Пока.

Она повесила трубку, вышла на кухню, выпила тридцать капель валерьянки. Потом вернулась в комнату и содрала со стены злополучную фотографию. Вместе со снимком отлетел внушительный кусок обоев, и почему-то это принесло Лере некоторое облегчение.

Она бодро улыбнулась Машке, взвизгивавшей на нее с ужасом, и объявила:

— Папа уехал в командировку. Вернется не скоро. А карточку я сняла, чтобы не очень скучать.

Ни через месяц, ни через два Илья не пришел. Иногда он звонил Лере, причем делал это поздно вечером, когда Машка уже спала. Деньги регулярно высылал почтовым переводом. Потом был суд, от которого осталось одно впечатление: поскорее забыть и никогда не вспоминать.

Еще через пару месяцев Лера стала искать работу. Ей повезло — в больнице, находившейся неподалеку от дома, оказалось вакантное место. В отделе кадров, правда, покривились, узнав, что у новой сотрудницы нет никакого трудового стажа, но все же взяли на должность палатного врача с испытательным сроком...

— Милая история. — Анна с сожалением загасила очередную, уже третью по счету, сигарету. — Ты, конечно, пребываешь в шоке, да?

— Теперь уже нет. — Лера сдержанно улыбнулась. — Только Машку жалко. В ее возрасте все уже давно привыкли к коллективу, а она никогда со мной не расставалась.

— Она тоже привыкнет, — уверенно пообещала Анна. — А ты не переживай. Тебе с твоей внешностью горевать нечего. Один совет — замуж больше не торопись.

— Еще чего! — согласилась Лера. — Я и не думаю.

— Вот и правильно, — весело и зло сказала та. — Бери пример с меня. Я замуж уже дважды ходила в свои двадцать девять. Больше ни-ни! Захочу — любой мужик моим будет, бабки на меня станут тратить, цветы охапками таскать. А чтоб носки его вонючие стирать да котлеты вертеть — фиг ему с маслом!

Из-за балконной двери послышались приглушенный шум и низкий мужской голос.

— Шеф! — насторожилась Анна, одергивая халат. — Заканчиваем перекур.

— Что, строгий? — поинтересовалась Лера, тоже невольно оправляя халат.

— Да как тебе сказать! — насмешливо проговорила Анна, окидывая ее выразительным взглядом. — Иногда да, а иной раз и не очень. Избирательно.

— Что ты имеешь в виду? — не поняла Лера.

— Увидишь, — хихикнула Анна и вышла в коридор.

Прямо напротив двери на балкон стоял высокий, широкоплечий мужчина и на чем свет стоит распекал худенькую, совсем юную сестричку с огромной русой, как у Снегурочки, косой.

— Здравствуйте, Анатолий Васильич, — льстиво пропела Анна.

— Здравствуйте, Анна Сергеевна, — кивнул широкоплечий, мельком взглянув на них с Лерой, и снова набросился на девчонку: — Последний раз предупреждаю, Матюшина, еще один прогул, и уволю! К чертовой матери уволю, так и знай. Ясно?

— Ясно, — почти шепотом проговорила сестричка, — я пойду?

— Иди. — Мужчина откинул со лба красивую седоватую прядь и перевел взгляд на застывших в отдалении девушек.

— Так. — Он не спеша подошел и остановился, скрестив руки на груди. — Слона-то я и не приметил. Это вы у нас новый врач?

— Я, — подтвердила Лера.

— Зайдите ко мне. Прямо сейчас. — Широкоплечий кивнул на дверь с табличкой: «Заведующий отделением Максимов А. В.». Ни слова не говоря, он повернулся и скрылся в кабинете.

Лера поглядела на Анну.

— Иди, — усмехнулась та. — Познакомишься. Как освободишься, заходи. Я буду на обходе. У меня палаты с первой по шестую. Ни пуха!

— К черту, — пробормотала Лера и шагнула в кабинет.

Первое, что поразило ее взгляд, — обилие цветов. Широкие подоконники были сплошь уставлены горшками, на стенах висели многочисленные кашпо, в углу, у шкафа, стояла огромная кадка с фикусом, листья которого были тщательно вымыты и глянцево блестели. Лере на мгновение показалось, что она не в больнице, а в оранжерее.

— Присаживайтесь. — Максимов кивком указал на небольшой уютный диванчик в углу. — Как ваше имя?

— Кузьмина, Валерия Павловна.

— Очень приятно, — без улыбки произнес заведующий. — Меня зовут Анатолий Васильевич. Итак, Валерия Павловна, мне сказали, что у вас отсутствует опыт работы в терапевтическом отделении. Так ли это?

— Почти, — негромко подтвердила Лера.

— Что значит — почти? — поднял брови Максимов.

— Это значит, что я проходила практику в пятьдесят седьмой больнице в течение нескольких месяцев, и мне доверяли довольно тяжелых больных.

— Когда это было?

— Больше пяти лет назад.

— Ну, — усмехнулся Максимов, — это, дорогая моя, не считается. Здесь вам придется пройти всю практику заново. За

пять лет медицина шагнула далеко вперед, а ваши несколько месяцев работы и вовсе обесценились за это время. Понятно?

— Да. — Лера кивнула.

Она ожидала, что к ней отнесутся с недоверием, и отдавала себе отчет в том, что это будет вполне справедливо. Но все же ей стало немного обидно. Как-никак она не девчонка, двадцать восемь недавно стукнуло! А заотделением разговаривает с ней как с сопливой студенткой-третьекурсницей.

— А раз понятно, то работать пока будете совместно с Пантелеевой. Возьмете у нее шестую, седьмую и десятую палаты. Она вас проинструктирует, покажет карты, расскажет о больных. И без лишней инициативы, пожалуйста! Если что непонятно, подходите, советуйтесь.

— К вам?

— Можно ко мне, а можно к ней. Ее зовут Светлана Алексеевна.

— Та, которая уходит в декрет? — поинтересовалась Лера, вспомнив слова Анны про Светку-стерву.

— Именно, — удивился Максимов. — Ну, Шевченко, уже просветила! Что еще она успела вам рассказать?

— Больше ничего.

— Тогда не буду вас задерживать. Возьмите документацию и приступайте к обходу.

Лера поднялась с диванчика и направилась к дверям. Она уже взялась за ручку, когда сзади послышался негромкий голос:

— Валерия Павловна!

Она обернулась. Максимов, встав из-за стола, смотрел на нее в упор. Его смугловатое лицо с правильными, хотя и крупными чертами казалось неподвижным.

— Что? — спросила Лера, вдруг почувствовав, как у нее неприятно пересохла губы.

— Ничего, — спокойно произнес Максимов и медленно, выразительно перевел взгляд с ее лица ниже, туда, где начался вырез халата, затем еще ниже и так до самых ног.

«Ах, вот оно что!» — промелькнуло у нее в голове. Вот что имела в виду Анна, говоря об избирательной строгости. Значит, официальная часть знакомства с начальством окончена и теперь начинается другая, неофициальная.

Леру охватила злость. Можно подумать, она не видела таких героев! В институте ее с первого курса преследовал преподаватель химии, пожилой коротконогий Петр Петрович. Просто проходу не давал, пока приударивший за Лерой Илья не пообещал профессору заснять его, когда тот, истекая слюной, страстно смотрит на красавицу студентку, и послать фото законной половине. Потом был сосед в их старом доме, тренер в бассейне, куда Лера водила дочку для закаливания, — высокий красавец брюнет с томным взглядом и огромным, сияющим обручальным кольцом на пальце.

Лера невольно взглянула на правую руку Максимова: ну так и есть! Вот оно, колючко. Все это мы проходили — и пристальные, раздевающие взгляды, и многозначительное молчание! Скверно только, что очередной Казанова является ее начальником, а она — его подчиненной. Хуже нет, чем зависеть от такого мужика.

Максимов тем временем как ни в чем не бывало продолжал откровенно разглядывать Леру и даже как будто слегка улыбался, словно мог читать ее мысли.

Лера резко повернулась и, не говоря ни слова, вышла за дверь.

На глаза ей тут же попала Наталья. Теперь на ней были безупречно отглаженный сестринский халат и шапочка, длинные волосы она забрала в хвост, отчего лицо стало более простым, обыденным, а взгляд не таким пронзительным. Увидев Леру, Наталья сделала несколько шагов и остановилась, точно ожидая чего-то.

— Где я могу найти доктора Пантелееву? — спросила Лера.

— Свету? — с готовностью переспросила Наталья. — Она только пришла. В ординаторской, переодевается.

— Спасибо, — сдержанно поблагодарила она.

Отчего-то старшая сестра продолжала вызывать у нее непонятное отторжение, несмотря на явную приветливость и предупредительность.

Чувствуя неловкость от своей сухости, Лера быстро зашагала к ординаторской.

Светлана оказалась миниатюрной брюнеткой, постарше их с Анной, с бледным, одутловатым, измученным лицом и огромным, выпирающим из-под халата, точно глобус, животом. Она сидела на стуле и натягивала на плечи серую кофту, оставленную, видно, со вчерашнего дня.

— Привет, — кивнула она зашедшей Лере. — Анька мне про тебя сказала. Ты за картами?

— Да.

— Сколько тебе шеф дал палат?

— Три.

— Изверг! — закатила глаза Светлана. — Мог бы и пять. Чай, я не железная, еле ноги передвигаю. Возьму больничный, и пусть катится к чертовой бабушке.

— Если хочешь, — пожала плечами Лера, — могу взять и пять. Мне нетрудно.

— Тебе-то нетрудно, — усмехнулась Светлана, — но коль уж Васильич дал три, значит, будет три. С ним лучше не спорить, усекла?

— Положим. — Лера приблизилась к столу, на котором лежали раскрытые карты. — Эти?

— Ага. Значит, смотри сюда. В шестой палате все тяжелые. Бабка Егорова, скорее всего, кандидат в «белый дом».

— Куда? — не поняла Лера.

— В морг, — пояснила Светлана. — Он у нас из белого кирпича, вот и зовем «белый дом». Симченко и Василевич получают курс антибиотиков. Вот и пусть получают, а там посмотрим. Ясно?

Лера кивнула.

— Теперь дальше, седьмая палата. Ну, тут полегче. Катаржина Вера Ильинична, после гипертонического криза. Она

у нас на капельницах, но, в принципе, ничего криминального, для ее возраста вполне сойдет. Золотухина, Баренчук — те после пневмонии, идут на поправку. А десятая палата — выписная.

— Все трое? — уточнила Лера.

— Четверо. У нас и по пять человек кое-где лежит. Ну, все поняла?

— Вроде.

— Тогда давай. А то уже десять, больные заждались. Сейчас скандалить пойдут.

Лера взяла у Светланы карты, сложила аккуратной стопочкой и вышла.

Она была уверена, что будет волноваться гораздо больше. На самом же деле страх исчез уже в самом начале обхода. Почерк у Светланы был невероятно корявым, и Лера с трудом разбирала написанные назначения. Больные оказались женщинами словоохотливыми, несмотря на свое тяжелое состояние. Даже бабушка Егорова, вопреки Светиным прогнозам, помирать не собиралась, а оживленно жаловалась на свою распрямляющую жизнь и чертовы болячки. Лере с трудом удалось вырваться из палаты. Выйдя в коридор, она почувствовала, что блузка под халатом намочла и прилипла к телу. Однако вместе с усталостью пришли спокойствие и уверенность в своих силах.

Потратив на обход двух палат почти час, но зато досконально изучив своих пациентов, Лера перешла к последней, самой легкой, по словам Светы. Больные, лежащие здесь, были практически подготовлены к выписке.

Лера глянула в записи: у трех анализы были приличные, никаких патологий не наблюдалось, но то, что она прочла в четвертой карте, ее насторожило.

— Кто у нас Савинова? — спросила Лера.

— Я, — отозвалась худенькая блондинка, сидевшая на постели у окна.

— Как вы себя чувствуете?

— Да ничего, — глухо ответила та.

Лера внимательно оглядела ее бледное, желтоватое лицо, синие тени под глазами и покачала головой:

— Я бы не стала вас выписывать.

— Как это? — взвилась женщина. — Я здорова. Светлана Алексеевна еще в пятницу обещала, что в понедельник я пойду домой.

— Смотрите, — мягко возразила Лера, — у вас низкий гемоглобин. И выглядите вы соответственно. Голова не кружится?

— Да все у меня в порядке! — Худышка вскочила с кровати, сделала шаг, но тут же пошатнулась и прижала руку к груди.

— Ну куда вы пойдете в таком состоянии? — Лера подошла к больной, положила руку на плечо и осторожным, но твердым движением заставила ту сесть на постель. — Сейчас померим давление. Мне кажется, оно у вас низкое.

— У меня оно всегда низкое! — не унималась Савинова. — Я все равно тут не останусь. Уже месяц валяюсь, дома за детьми некому смотреть.

— А муж у вас есть? — спросила Лера, доставая тонометр.

— Толку с него как от козла молока! — Женщина вдруг коротко, без слез всхлипнула и привалилась к подушке.

— Ох, ну ты чего! — сочувственно подала голос одна из ее соседок. — Может, доктор права — ты ведь неважно себя чувствуешь. Полежи еще недельку, глядишь, и полегчает.

— Тебе хорошо говорить, — сдавленным шепотом проговорила Савинова. — А я каждую ночь не сплю, извелась вся, как они там у меня. Данила-то мой по сменам работает, пацаны сутками одни, да не евши толком... — Она подавила рвавшиеся слезы и совсем тихо, но решительно закончила: — Выписывайте меня. Хоть под расписку, хоть как!

Лера молча засучила рукав халата, измерила давление и, ничего не говоря, вышла из палаты.

Светку она разыскала в ординаторской — та, сидя в кресле, терпеливо дождалась, пока Анна подкрасит губы перед большим настенным зеркалом.

— Чего ты так долго? — удивилась Светлана. — Идем обедать.

— Пока не могу. — Лера подошла и раскрыла карту Савиновой. — Ты что, правда собиралась ее выписать?

— Ольгу-то? — Светлана демонстративно отвернулась. — Да не тычь мне в нос эти бумажки, я их наизусть знаю! И что у нее гемоглобин хреновый, и что давление восемьдесят на пятьдесят.

— Если знаешь, зачем тогда обещала, что она сегодня пойдет домой?

— Ой, да ей не пообещай! — отмахнулась Светка. — Она все одно уйдет. Там и муж поддает, и дети маленькие. Ты тут первый день, а я семь лет. Навидалась этих баб. Говори им, не говори — все, как одна, полубольные норовят улизнуть. Оставишь такую — весь день реветь будет, соседей по палате достанет, из врачей душу вынет. Хочется ей побыстрей на тот свет, так не останешься. — Светка зло передернула плечами под вязаной кофтой. — Ничего ей не делается. Гемоглобин нагуляет, а давление у нее отродясь такое, тут уж ничем не поможешь. — Она перевела взгляд на Анну и нетерпеливо заерзала на месте: — Ань, ты скоро? В столовку ведь идем, не на свидание! У меня уже желудок сводит с голоду.

— Сейчас, сейчас, — пообещала Анна, подводя карандашом выщипанную в ниточку бровь. — Лерка, хватит трудиться, выписывай свою больную на все четыре стороны, и пойдем есть.

— И не подумаю ее выписывать, — упрямо сказала Лера. — Она еле на ногах стоит. Я ей витамины поколю, а там видно будет.

— Так она тебе и останется витамины принимать! — насмешливо проговорила Светка, поднимаясь с кресла. — У нее уж и вещи-то наверняка собраны. Дождется четырех часов — и айда!

— Значит, — деловито уточнила Лера, — ты не против, чтобы я ее оставила?

— Я? Нет, я не против. Как говорится, флаг тебе в руки, барабан в зубы.

— Спасибо. — Лера захлопнула историю болезни и поспешила на выход.

— Приходи в столовку, — крикнула вдогонку Анна, — не то все съедят, останешься голодная!

Савинова сидела на кровати в той позе, в которой ее оставила Лера, даже рукав халата не опустила.

— Ольга Александровна. — Лера села возле женщины. — Прошу вас, не уходите. Я поговорила со Светланой Алексеевной, и та тоже считает, что вам нужно подлечиться. Еще недельку, может, даже меньше. Иначе вы снова попадете в больницу.

— «Светлана Алексеевна считает»! — пробурчала женщина. — А чего ж она раньше-то молчала! Я уже настроилась, домой позвонила, чтоб ждали! Что уж... — Она опустила голову, быстрым движением смахивая слезы. — Останусь. Худо мне и впрямь, мутрно. Но только на неделю!

— Ладно, ладно, — согласилась обрадованная Лера. — Сейчас ложитесь, скоро вам сделают укол. Пара дней — и вам станет лучше, увидите.

— Посмотрим, — вздохнула Савинова, вытягиваясь на постели.

В столовую Лера поспела к шапочному разбору. Первого уже не было, от второго остался лишь гарнир — макароны с подливкой.

Взяв тарелку остывших макарон и компот с пирожком, Лера уселась за столик возле окна. Зал был пуст, лишь за соседним столом уныло ковыряла вилкой в тарелке медсестричка с косой. Вид у девчонки был грустнее некуда.

Лера взяла свою еду и перебралась к ней за столик. Девушка удивленно покосилась на нее, но ничего не сказала, продолжая вяло поглощать давно остывший обед.

— И часто ты получаешь такие нагоняи? — полюбопытствовала Лера.

— Какие? — не поняла сестра.

— Ну, я мимо проходила утром и слышала, как заводе-
нием тебя пропесочивал.

— Он прав, — вздохнула девушка. — Я ведь действительно
часто пропускаю работу. Кто будет такое терпеть?

— А чего ж ты пропускаешь? — удивилась Лера.

— К Гошке езжу, — доверчиво сообщила девчонка.

— К какому еще Гошке?

— Парень мой. — Медсестра отложила вилку и отодвинула
почти полную тарелку. — Его в армию забрали недавно. Ну, вот
и... — Она посмотрела на нее огромными, вполлица, серыми
глазищами и добавила совсем тихо: — Плохо ему там.

— То есть? — не поняла Лера. — Как — плохо? Болеет?

— Бьют его. Он гордый слишком, не захотел старшим под-
чиняться, которые, ну как их, деды. А там так нельзя. Вот и де-
рется, один против всех. Уже два раза в санчасти лежал. Боюсь
я за него, потому и езжу. — Девушка снова вздохнула, глубоко
и горестно, и принялась за компот.

Лера молчала, не зная, что ответить на эту неожиданную
и печальную исповедь.

— Меня зовут Настя, — неожиданно представилась се-
стричка. — А вас?

— Лера. И можно на «ты».

— Ладно, — покладисто согласилась Настя. — Вы... ты у нас
теперь будешь работать?

— Да.

— Хочешь, скажу одну вещь? — Настя таинственно округ-
лила глаза.

— Давай, — опешила Лера.

— Ты... очень красивая! — выпалила девушка и залилась
краской.

— Ой, ну ты даешь! — Она невольно рассмеялась. — Я ду-
мала, что-нибудь важное, а она...

— Правда, правда, — серьезно подтвердила Настя, — с тебя
портрет хорошо писать. Я, как увидела, сразу про это поду-
мала.

— Скажешь тоже, — смутилась Лера.

Девчонка разительно отличалась от тех, с кем она познакомилась за сегодняшнее утро, выглядела такой юной, чистой и неискушенной, что Лера почувствовала к ней искреннюю симпатию, смешанную с жалостью.

— Ты тоже очень даже ничего, — ответила она на комплимент. — Особенно коса замечательная. У меня ни в жизнь бы такие волосы не отросли.

— Хочешь, заговор скажу, чтоб выросли? — предложила Настя.

— А поможет? — усмехнулась Лера.

— Обязательно, — убежденно и горячо подтвердила девушка, — у меня прабабка сто заговоров знает. И от ангины, и от несчастной любви, и даже от бесплодия. Значит, так: берешь куриное яйцо, золотое колечко, зеркальце... — Настя вдруг замолкла на полуслове, напряженно глядя на дверь столовой.

— Зеркальце, — нетерпеливо повторила заинтригованная Лера. — Что дальше? Эй, ты заснула? — Она тоже обернулась, желая увидеть причину Настяного беспокойства.

В дверях стояла Наталья в своем крахмальном халате и высокой шапочке. Встретившись взглядом с Лерой, она улыбнулась и исчезла.

— Не люблю ее, — мрачно призналась Настя, поднимаясь из-за стола.

«И ты тоже! — подумала Лера. — Надо же, не одна я такая».

— Прабабка говорила: «Бойся людей с дурным глазом». У нее глаза дурные, заметила? — Настя сгребла грязные тарелки в стопку.

— Да ну тебя! — отмахнулась Лера, вставая следом за девушкой. — Тебе бы ужастики сочинять, а не в больнице работать.

Однако она подумала, что Настя права, и глаза у старшей медсестры действительно дурные. И тут же вспомнила Анну, ее вызывающие формы, смазливое накрашенное лицо, уве-

ренный, залихватский тон. Вот она бы посмеялась над Лерой, услышав, о чем та беседует с чудаковатой медсестричкой!

— Пойдем-ка работать, Настасья, — деловито сказала Лера. — А то мы с тобой заобедались.

2

Савинова выписалась только через две недели. За это время Лера успела по-настоящему подружиться с Анной, дважды поссориться и помириться со Светкой, нежно, по-сестрински привязаться к «блаженной» Насте и, наконец, убедиться, какая первоклассная медсестра Наталья.

Лере казалось, вся ее предыдущая жизнь была намного беднее событиями, чем эти четырнадцать дней, промелькнувшие стремительно и молниеносно.

Каждый из них приносил кучу новых впечатлений, проблем, требующих безотлагательного решения, тревог и маленьких успехов. Едва переступив порог больницы, Лера тотчас забывала обо всех своих переживаниях и с головой погружалась в работу.

Тягостные воспоминания наваливались лишь вечером, когда на негнущихся, гудящих от усталости ногах она добиралась до садика и видела полные тоски Машкины глаза. Тогда Лерины мысли сразу возвращались к Илье, его предательству и подлому многомесячному молчанию.

Машка молча шагала домой, старательно обходя лужицы на тротуаре, негромко, трогательно посапывая в такт ходьбе, и Лера испытывала острую, мучительную вину перед ней.

Ужин проходил в бесплодных попытках разговорить дочку. Лера задавала Машке вопросы о садике, но та отвечала неохотно, по большей части односложно: да, нет. Едва покончив с едой, она зевала и просилась спать.

Уложив ее, Лера чувствовала, что и сама начинает клевать носом. Наскоро переделав хозяйственные дела и приняв душ,

она с трудом доходила до кровати и тут же проваливалась в сон. А назавтра все повторялось.

Отделение жило своей жизнью, напряженно, но слаженно. Лера постепенно, день за днем все глубже входила в эту жизнь, постигала ее особые, порой негласные законы, улавливала истинную, а не видимую суть вещей и отношений.

Врачей, кроме Леры, было четверо. В первый день она познакомилась со всеми, кроме старенькой Полины Михайловны, пенсионерки, работающей в больнице на полставки и вечно хворающей — то сердце, то давление.

Анна, красивая, наглая, самоуверенная, втайне мечтала о ребенке, которого не могла родить после неудачного аборта. За цинизмом и бравадой она скрывала тоску и отчаяние.

Светлана недавно похоронила родного брата и после работы спешила не домой, устроить свое измученное тело на диване, а к обезумевшей от горя матери.

Обо всем этом, а также о многом другом Лера узнала исподволь, из мимолетных разговоров, сплетен, которыми полнилась ординаторская, и просто из личных наблюдений.

Теперь ей была ясна и истинная причина Настиного отношения к Наталье. Она оказалась банальной: вечно витающая в облаках Настя к своим обязанностям относилась небрежно. Она частенько задерживалась с процедурами, а то и вовсе забывала выполнить назначение врача, и эта ее расхлябанность выводила из себя педантичную и пунктуальную Наталью. Между ней и девушкой по много раз в течение дня вспыхивали конфликты. Наталья нападала, Настя защищалась, оправдывалась, а потом бежала жаловаться Лере, в которой с первого дня почему-то признала покровительницу. Лера только пожимала плечами: было очевидно, что Насте сейчас не до работы, ее слишком волнуют проблемы личного порядка.

Единственным, кто так и оставался для Леры полной загадкой, был Максимов. Она старалась избегать его, по всем вопросам советовалась со Светланой. В свою очередь заведованием также не предпринимал больше попыток заговорить с Лерой,

и она начала сомневаться в том, правильную ли оценку дала шефу при первом знакомстве.

...На выписку за Ольгой Савиновой пришел муж. Против ожидания он оказался вовсе не забуддыгой, а очень приятным малым, невысокого роста, крепко сбитым и румяным.

Лера стояла поодаль и смотрела, как Савинов выносит из палаты пакеты с вещами. Ольга шла за ним следом, счастливо улыбаясь. За две недели укрепляющих процедур с ее лица сошли бледность и одутловатость. Она слегка накрасила глаза и губы, а жидкие, белесые волосы уложила в прическу.

«Да ведь она хорошенькая, — с удивлением отметила Лера. — Даже, можно сказать, красивая. И молодая еще. А совсем недавно казалась такой старой и невзрачной».

Ольга и ее муж остановились у дверей, ведущих на лестницу. Савинов поглядел на Леру и улыбнулся.

— Спасибо вам, — он обнял жену, — что не выпихнули раньше срока. А то ведь эти бабы такие дуры, все к своим кастрюлям норовят! Да и врачи наши хороши — им лишь бы палаты побыстрее освободить. — Савинов полез в нагрудный карман и вынул тонкую длинную плитку шоколада. — Вот. Это вам. В благодарность. — Он протянул ее Лере.

— Что вы! — Она покачала головой. — Не нужно. Я не возьму.

— Да как же? — растерялся Савинов. — Я ж от чистого сердца... Вы не обижайтесь!

Ольга легонько толкнула мужа в бок, чтобы тот замолчал, взяла из его рук плитку и приблизилась к Лере. Быстрым движением она сунула шоколадку в карман ее халата, потом порывисто обняла и поцеловала.

Не успела Лера опомниться, как Савинова уже исчезла за дверью, увлекая за собой смущенного мужа.

— Вот и первые результаты праведного труда!

От неожиданности Лера вздрогнула и обернулась: за ее спиной стоял Максимов — глаза его были прищурены, губы растянуты в улыбке. Она и не заметила, как он подошел.

— Это всего лишь шоколадка. — Лера дотронулась пальцами до торчащей из кармана плитки. — Я взяла ее только потому, что не хотела обидеть свою больную.

— Не надо, не оправдывайтесь, — засмеялся Максимов. — Не вы первая, не вы последняя. Берут все, всегда и везде: и шоколадки, и конфеты, и духи, и многое другое, значительно более существенное. Я имел в виду совсем не вашу дохлую плитку, когда говорил о результатах труда.

— А что же? — опешила Лера.

— Пойдемте, объясню. — Заведующий сделал приглашительный жест в сторону своего кабинета.

Кажется, с прошлого ее посещения цветов в комнате прибавилось. Лера села на знакомый диванчик в углу, Максимов опустил в кресло напротив.

— Итак, — голос его звучал мягко и даже ласково, — наша с вами профессия, Валерия Павловна, как никакая другая имеет одну замечательную особенность — признание и благодарность, с которыми вы только что столкнулись. Приятно, не правда ли? Лестно сознавать, что вы кому-то помогли, стали близким, почти родным человеком! Так?

— Возможно, — пожалала плечами Лера. — Я не задумывалась об этом. Просто лечила свою пациентку.

— И напрасно. Иначе вы давно бы поняли еще одну, гораздо более важную вещь.

— Какую? — равнодушно поинтересовалась Лера.

Она чувствовала усталость от этого заумного разговора, ей хотелось уйти. Максимов заметил ее нетерпение и помрачнел.

— У каждой медали есть оборотная сторона, Валерия Павловна, — сухо произнес он. — Вам не приходило в голову, что когда-нибудь вместо слов благодарности бы рискуете услышать в свой адрес проклятия? Нет? Думаете, вы застрахованы от этого? Милая моя! — Максимов коротко, резко рассмеялся. — От этого даже я не застрахован. Со своим тридцатилетним стажем! Знаете, как это бывает? Вы устали, чем-то огорчены или,

наоборот, обрадованы, не можете сосредоточиться. Вы вовсе не хотите допустить промашку, но это случается. И тогда...

— Зачем вы говорите мне все это? — холодно спросила Лера. — Чтобы я не обольщалась и не думала, что на работе меня ждут одни приятные сюрпризы и шоколадки? Тогда это лишнее: я смотрю на вещи трезво и отдаю себе отчет в том, что случиться может всякое.

— Я просто забочусь о вас, — спокойно пояснил Максимов. — Как о человеке малоопытном и находящемся под моим началом.

— Спасибо. Я учту ваши пожелания. — Лера хотела подняться, но Максимов сам неожиданно встал перед ней во весь могучий рост.

— Я рад, что вы поняли меня правильно. — Он улыбнулся. — Вы плоховато выглядите в последние дни. Устали?

— Нисколько.

— А мне кажется, что устали. — Его руки, словно невзначай, легли ей на плечи.

Прежде чем ошеломленная Лера успела что-то произнести, она почувствовала, как сильные пальцы Максимова уже гладят ее шею.

— Расслабься, — понизив голос, попросил он, — это всего лишь массаж. Обыкновенный массаж для снятия напряжения.

— Пустите! — Лера вскочила и тут же оказалась крепко прижатой к телу шефа. Его губы уже тянулись к ее лицу.

— Не бойся, милая, — шептал Максимов, толкая ее обратно на диван. — Ты ни о чем не пожалеешь. Ни сейчас, ни после. Вот увидишь.

Жаркая волна отвращения и гнева захлестнула Леру с головой. Она изо всех сил рванулась и толкнула Максимова локтем в грудь. Не ожидавший такого яростного сопротивления заотделением отшатнулся и убрал руки.

Лера бросилась к двери. Опомнившийся Максимов в два шага настиг ее и загородил выход.

— Дурочка, — тяжело дыша, пробормотал он. — Ты все равно никуда не убежишь. Это обязательно случится, рано или поздно. Поняла?

— Отойдите от двери, — сквозь зубы проговорила Лера. — Дайте мне выйти.

Максимов вдруг криво усмехнулся и взялся ладонью за левый бок.

— Ладно. — Он кивнул и сделал шаг в сторону. — Хорошо, идите. Только не забывайте, Валерия Павловна, кто вы и кто я.

— Я хорошо знаю, кто вы. Сказать? — Лера посмотрела прямо в темные, чуть расширенные глаза Максимова.

— Не стоит. — Тот снова усмехнулся, опустил руку и отошел от двери. — Кстати, вот еще что. Светлана Алексеевна совсем плохо себя чувствует, так что возьмете у нее еще и восьмую палату начиная с завтрашнего дня.

Лера молча кивнула и выскочила за дверь. В коридоре Анна разговаривала с родственниками пациента. Увидев красную, встрепанную Леру, появившуюся из кабинета заведующего, она ухмыльнулась, ловко свернула беседу и подошла к подруге.

— Остынь, а то вскипишь! И пуговицу застегни. — Анна, не дожидаясь, пока она придет в себя, сама поправила на ней халат.

— Не стыдно тебе? — накинулась на нее Лера.

— Стыдно? — Анна невинно похлопала длинными, кукольными ресницами. — За что это?

— Могла не увилить, а сказать все как есть. Я бы не оказалась в таком положении!

— В каком? — Анна откровенно смеялась. — Тебе что, три годика? Я предельно ясно объяснила — у шефа строгость избирательна. Не откажешь — будешь трудиться в свое удовольствие, никто к тебе не подкопается. Откажешь — заработаешь кучу проблем. А ты на что надеялась?

— Не знаю! — зло пробурчала Лера. — Наверное, на человеческие отношения.

— Я тебя умоляю! — Анна скорчила уморительную мину и снова принялась разглядывать подругу, качая головой. — Ну и видок! Вы что там, дрались?

— Почти. — Лера против воли улыбнулась, вспомнив растерянную физиономию Максимова, когда она едва не продырявила ему грудную клетку.

— Напрасно. — Анна осуждающе поджала губы.

— Что значит — напрасно? — опять вскипела Лера. — Что, по-твоему, я должна была сделать? Трахнуть с ним в кабинете и благополучно перейти к исполнению своих обязанностей?

— Ты потише. — Анна легонько толкнула ее в бок. — Не так эмоционально.

Лера оглянулась: у двери палаты стояла Настя, напряженно вслушиваясь в их диалог.

— Пусть катится! — понизив голос почти до шепота, проговорила Лера. — Скорее рак на горе свистнет, прежде чем он чего-нибудь от меня дождется!

— Ой, какая недотрога! — съязвила Анна. — Наше дело — предложить, ваше — отказаться.

Из второй палаты вышла тучная, отекающая женщина.

— Анна Сергеевна, — пожаловалась она, — снова приступ. Третий за сегодня. Сил моих больше нет!

— Ляgte, Козлюкова. — Анна отвернулась от Леры. — Ложитесь, я сейчас подойду. Через минутку.

Тетка вздохнула и покорно побрела обратно в палату, тяжело шаркая толстыми, тумбообразными ногами.

— Забодали! — посетовала Анна. — Все-то им не спится, не лежится! Пойду скажу Наташке, чтобы укол сделала. — Она подмигнула и направилась в процедурную.

Лера покосилась на застрявшую в дверях палаты Настю, но говорить ей ничего не стала и побрела в ординаторскую.

Светка, развалившись в кресле, грызла большое румяное яблоко. Лицо ее за последние дни еще больше осунулось и приобрело стойкий зеленоватый цвет.

— Ой, мочи нет, — пожаловалась она. — Зинку носила, как летала. Ни отеков не было, ни давления. Даже живот до седьмого месяца никто не замечал, ей-богу! А с этим бандитом чуть жива. И пихается-то как, паразит, того гляди ребра переломает родной матери!

Светлана дважды за беременность делала ультразвук, и оба раза показали, что у нее мальчик. Она собиралась назвать его в память о брате Виталиком.

— Нет, горе с этими мальчишками. — Света вздохнула и отвернулась к окну.

Лера поняла, что говорит она сейчас не о младенце у нее в животе, а о разбившемся на мотоцикле восемнадцатилетнем братишке.

— Свет, я беру у тебя восьмую палату. С завтрашнего дня.

— Восьмую? — оживилась та. — Ну, поздравляю! И искренне сочувствую!

— А что такое? — удивилась Лера.

— Да там же мой героический дедулька, Скворцов Иван Степаныч. Он мне уже в кошмарах снится. Ой, Лерка, не завидую я тебе! У меня он в ежовых рукавицах был — и то замучил нытьем да жалобами. А ты у нас человек мягкий, отзывчивый, на тебе он и вовсе ездить будет.

— Пусть попробует, — вспомнив Максимова, парировала Лера. — Как сядет, так и слезет. На что он жалуется-то?

— Да на все. Солнце ему не так светит, ветер неправильно дует. Лер, ему восемьдесят один, крышу давно снесло, жена померла, детишки разбежались кто куда — немудрено, от такого-то папашки. А мы возись с ним. — Светка задумалась на минуту о чем-то, а потом прибавила немного мягче: — Астматик он. На инвалидности, вторая группа. Я тебе правда сочувствую.

— Тебе в отпуск когда? — спросила Лера.

— В следующий четверг. Дотерпеть бы. — Светлана снова вздохнула и сосредоточенно принялась за яблоко.

Иван Степанович Скворцов оказался вовсе не таким, как нарисовала его Лера в своем воображении. Со слов Светки она представляла себе мрачного, угрюмого старикана с лысым черепом и волосатыми ноздрями, нечто среднее между Кощеем Бессмертным и Фредди Крюгером. Однако в постели, укрывшись ветхим больничным одеялом почти до подбородка, лежало крошечное, легкое, как былинка, существо. Ноги едва достигали до середины кровати, голова, окаймленная седыми пушистыми волосами, напоминала венчик одуванчика.

С подушки на Леру придирчиво и одновременно жалобно смотрели два блекло-серых слезящихся глаза. У нее даже дыхание перехватило — стало совестно за Светкины слова. И как такой божий одуванчик может сесть к ней на шею? В чем только душа держится!

Однако через мгновение Лере стало ясно, что Светка не кривила душой и не преувеличивала, говоря, что Скворцов — самый противный и приставучий из всех ее больных. Едва Лера присела на стул возле кровати и раскрыла историю болезни, дед тут же подал голос, да какой — неожиданно пронзительный, звучный для такого тщедушного тельца и невероятно визгливый.

— Издеваются! — вещал старик. — То одна еле ползала, брюхом своим всю морду мне изъездила, так теперь и вовсе девчонку сопливую прислали. Тебе сколько лет, дочка? Ты людей-то лечила когда аль нет?

— Успокойтесь, Иван Степанович, — улыбнулась Лера. — Лет достаточно, у меня уже дочка скоро в школу пойдет. И людей я лечила, так что не волнуйтесь, справлюсь.

— Справишься, как же! — прошипел дед. — На тот свет меня в два счета справишь! — Он со злостью и тоской погрозил сухим, костлявым кулачком. — Засадил меня сюда, природы, воронье поганое!

— Это кто же ироды и воронье? — изумилась Лера. — Врачи, что ли?

— Опекуну его, — вмешался в разговор парень, лежащий на соседней койке. — Он ведь недееспособный. Вот и нашлись какие-то дальние родственники, подсустились и оформили опеку.

— Ага, опеку! — визгливо подхватил Скворцов. — Им бы имущество мое опекать, а сам я чтоб сдох побыстрее. Говорил: не желаю в больницу, и все тут. Разве ж они слушают? Упекли, точно в тюрьму! — Он сокрушенно махнул рукой и еще глубже натянул одеяло.

— Ты, дед, ерунду-то не городи, — улыбнулся парень. — Тебя сюда каким привезли, забыл? А я помню, как ты все ночи напролет хрипел, еле откачали. Остался бы дома, тут тебе и крышка.

— Между прочим, ваш сосед правильно говорит, — подтвердила Лера, внимательно изучая карту. — Вот Светлана Алексеевна пишет, что у вас один за другим было четыре тяжелых приступа. Это месяц назад. А сейчас посмотрите, как вы хорошо дышите! И давление неплохое для вашего возраста, а было двести на сто сорок.

— Ты мне зубы не заговаривай, — не унимался дед. — Лучше скажи, прочитал главврач мою жалобу? Ту, что я ему на прошлой неделе послал?

— Не знаю, — пожала плечами Лера. — А на что конкретно вы жаловались?

— Да брось, Степаныч, — обратился к деду парень. — Чего ты пристал, видишь, человек новый, еще только осматривается. Это он так, с тоски, — пояснил он Лере. — Родственники эти его сюда положили, а появляться не думают. Хоть бы кило яблок деду принесли, и того не дожدهшься. Вот он и буянит от обиды.

— С родственниками вашими, Иван Степанович, я поговорю, — твердо пообещала Лера. — Выясню, в чем дело. Может, у них что-нибудь случилось, есть какая-то веская

причина, по которой они не могут вас навестить. А жалобы главврачу писать не стоит. Лучше скажите мне, чем вы недовольны.

— Уколы Настька больно делает, — заскрипел дед. — Вся задница в шишках, не знаю, на который бок повернуться.

— Я попрошу, и уколы вам будет делать Наталья Макаровна. Что еще?

— Каша по утрам надоела. Одна овсянка на воде второй месяц.

— Хорошо, я попробую договориться на кухне, иногда будут делать для вас омлет.

— Душно!

— Проветрим.

Скворцов на секунду запнулся, затем раскрыл было рот, чтобы продолжать свой список, но тут его сосед весело рассмехался:

— Хватит уже, дед! Совесть поимей. Нашел себе золотую рыбку желания исполнять. Будь доволен, что тебе омлет вместо овсянки принесут.

— А ты, Дрюня, зря лыбишься, — огрызнулся Скворцов. — Я, может, за всю-то жизнь заработал право, чтобы ко мне золотая рыбка приплыла. Хоть три желания исполнила, да какое там — одно! — Он неожиданно скис, несколько раз часто моргнул и проговорил тише: — Хреново на старости лет вот так, одному, в казенной постели.

— Хреново, — согласилась Лера. — А вы поправляйтесь, мы вас и выпишем. Домой пойдете, сами себе будете покупать и яблоки, и все что хотите.

— Твоими бы устами, дочка, да мед пить, — устало пробормотал Скворцов.

Видно было, что запал у него кончился, Лерина сговорчивость обезоружила его. «Кажется, своими скандалами он просто пытается подбодрить самого себя, — подумала Лера. — Дескать, пока ругаюсь, требую, кричу, значит, не умер, есть еще силы, порох. А пороха-то, видать, мало».

— Значит, договорились, — мягко проговорила она. — С этого дня Матюшина вам больше уколы делать не будет, пусть на других тренируется. А после обхода я пошлю санитарку, она здесь проветрит. — Лера отложила в сторону дедову карту и глянула на парня: — Ну а вы как себя чувствуете?

— Нормально, — спокойно ответил тот, пожав плечами, — не жалуюсь.

Лицо у него было утомленным и почти бескровным, под глазами обозначились желтоватые тени, но сами глаза были удивительно яркого, насыщенного голубого цвета: как летнее небо или полевые незабудки. Лера поневоле не сразу оторвала от них взгляд.

За всю свою жизнь она видела такие красивые глаза только у одного человека — маминой двоюродной сестры, тети Ксении. Ксения была моложе матери на пятнадцать лет, и за ней в их родном городе бегали толпы поклонников, несмотря на то, что она была замужем и имела двоих детей. Лера отчетливо помнила, как возмущалась строга, суровая мать.

— Ишь, распустила хвост! — ворчала она, наблюдая из окна, как двадцатилетняя Ксения кокетничает у забора с очередным кавалером. — И чего они в ней нашли! Красоты-то — одни фишки лупоглазые, а так — ни кожи ни рожи.

Сейчас, глядя на парня, Лера почему-то отчетливо вспомнила свою юную тетку. Сто лет прошло, как они не виделись. Лера в семнадцать уехала в Москву поступать в медицинский, а Ксения вскоре неожиданно бросила пьяницу и драчуна мужа и подалась с детьми на Север, аж в Мурманск. С тех пор они общались лишь в редких письмах, а потом и вовсе перестали. Жаль. Хорошая была Ксения, немного шальная, но добрая, веселая...

Лера глянула в карту и не поверила своим глазам. Вчера они со Светкой обсудили одного лишь Скворцова, а про его соседа она позабыла спросить, решила, что сориентируется на месте. Она не сомневалась, что парень лечится в больнице от последствий пневмонии или гриппа, что ему тут еще делать, такому молодому? Однако в карте черным по белому, корявым, но уже

ставшим привычным Светкиным почерком было написано, что больной Шаповалов Андрей Васильевич страдает хронической формой астмы и получает гормонотерапию.

Лера поспешно взглянула на год рождения — молодой-то какой, двадцати пяти нет! Она отложила историю болезни. Парень смотрел на нее по-прежнему спокойно, выжидая, но уже без улыбки, и во взгляде его едва заметно сквозил холодок. Лера поняла: он опасается, как бы она не стала его жалеть. Видно, привык к реакции на свой диагноз.

— Значит, Андрей Васильевич, вы чувствуете себя хорошо и ни на что не жалуетесь, — уточнила она.

Парень кивнул.

Лера проверила у него пульс, измерила давление, долго, сосредоточенно выслушивала фонендоскопом дыхание, стараясь уловить астматические хрипы. Они были, но отдельные и довольно слабые.

— Ладно, — наконец сказала она, — Светлана Алексеевна постепенно уменьшала вам дозу препарата. Мы будем следовать ее путем — и постепенно дойдем до минимума. Голова не кружится?

— Нет. То есть иногда.

— Сердце не беспокоит?

Парень помотал головой.

— Точно? — строго переспросила Лера. — Или тоже иногда?

Ей уже стало ясно: парень из породы тех, кто будет терпеть до последнего, даже виду не подаст, что ему плохо. Вроде Ольги Савиновой, которая чуть не слиняла из больницы в полуобморочном состоянии. Только у Ольги это объяснялось волнением за детей, а Шаповалов не желал признаваться в своих недугах, видимо, из гордости.

— Да точно, точно. — Андрей улыбнулся, и взгляд его потеплел. — Сердце у меня здоровое. Просто мотор.

— Хорошо, что мотор, — серьезно проговорила Лера, вставая. — С вашей болезнью нужно здоровое сердце. Я пойду. Если что будет нужно, позовете.

— Обязательно. — Парень пристально глянул на нее глазами-незабудками, и под этим взглядом Лера вдруг почувствовала смущение.

За обедом она подседа к Светке, с аппетитом наворачивающей постный, жиденький столовский борщ.

— Ну, — с набитым ртом промычала та, — познакомилась со Скворцовым?

— Познакомилась, — усмехнулась Лера.

— И как?

— Да ничего. Ты меня напугала, я думала, будет хуже.

— погоди, — пообещала Светка, придвигая тарелку с котлетой, — ты еще взвоешь, голову даю на отсечение. Главное — не слушай, чего он там плетет, осматривай, пиши назначения, и привет.

— Учту твой совет, — покладисто ответила Лера, помолчала для вида и спросила как бы невзначай: — А сосед Скворцова, Шаповалов, он что, правда такой тяжелый астматик?

— Дрюня? — ласково переспросила Светка. — Тяжелый. Хроническая астма, с детства, кажется. Жаль парня, ничего не скажешь. Его по «Скорой» привезли, с приступом. Сначала в реанимации лежал, а сейчас, видишь, совсем хороший стал. И дыхание нормализовалось, и анализы неплохие. Ты только его выписывать не спеши, пусть полежит. А то у него из родни никого.

— Почему никого? — испугалась Лера. — Погибли?

— Не знаю, он детдомовец в прошлом. Так и лежит, один да один, никто его не навещает, два сапога пара с дедушкой Скворцовым.

— Что ж, у него и девушки нет? — осторожно спросила Лера.

— Нужен он больно девушкам-то, без пяти минут инвалид, — отрезала Света. — Им бабки подавай в первую очередь, а чтобы их зарабатывать, здоровье иметь нужно. Лошадиное, как у моего Шурика, — утром на одной работе, вечером на другой, а в ночь — на дежурство.

Лера промолчала, но внутренне не согласилась. Как это, такой красивый парень — и девушкам не нужен! Да по одному

его взгляду видно, что девчонки за ним стаями бегали. Вон, и ее чуть в краску не вогнал, даром что она не соплячка какая-нибудь, а взрослая женщина. А что касается денег — так ведь работал же Андрей кем-то до того, как попасть в больницу, стало быть, и зарабатывать. Откуда Светке знать сколько? Какое ей дело?

А ей, Лере, какое дело? Она вдруг спохватилась, что прошло уже больше часа, как закончился обход, а мысли в голове все еще о новом пациенте. Конечно, жалко его, так, как не жаль стариков: те все-таки успели жизнь прожить, прежде чем заболеть. Но, однако, жалость не повод, чтобы неотрывно думать о больном, да еще гадать, есть ли у него девушка.

Светлана давно поела и ушла, а Лера все сидела за столиком в опустевшей столовке. Ей вдруг стало одиноко и тоскливо, так, как ни разу не было за последние недели. Она жалеет их всех: и ворчливую бабку Егорову, и зловредного Степаныча, и Шаповалова. А кто пожалеет ее? Кажется, сегодня ровно семь месяцев, как ушел Илья. И все это время Лера одна-одиношенька, точно робот на батарейках: надо встать — встает, надо идти — идет. Ни одной слезинки не пролила. Ни одной! А как хочется зареветь в голос, завьить, уткнуться кому-нибудь в плечо и жаловаться, жаловаться на свою горькую, несправедливую жизнь!

Но кому об этом скажешь? Машке? Той еще тяжелей, чем матери. У Леры хоть работа есть, позволяющая на время забыться, отключиться. А у Машки — лишь ненавистный детский сад, где каждая минута тянется как час и очкастая Катерина Михайловна заставляет пить молоко с пенкой и есть винегрет на постном масле.

Нет, Машке ничего не скажешь. К тому же девочка до сих пор не подозревает, что отец их бросил. Она уверена, что папа просто улетел в длительную командировку, и все спрашивает, когда он придет.

И Анне Лера не может поплакаться в жилетку. Та слез не признает — если совсем уж тошно, дымит, как паровоз, да травит непристойные анекдоты. Скажешь ей про одиночество,

она и не поймет. И впрямь, в чем проблема? Вон сколько мужиков, любого только пальцем помани — и пожалуйста, не чувствуй себя одиноко. Еще, чего доброго, снова начнет Леру уговаривать, чтобы та не кочевряжилась и уступила шефу.

Остается лишь Настя. Она добрая, все выслушает. Но почему-то не хочется Лере обсуждать с ней свои дела. Может, та кажется ей слишком юной, неопытной, а может, Лера просто привыкла, что девчонка сама постоянно ревет у нее на плече. Неизвестно, сколько бы еще Лера просидела в столовой в своих невеселых раздумьях, если бы в дверях не показался Максимов. Едва заметив его, она поспешно поднялась и вышла, ощущая спиной его пристальный взгляд. Гнев на шефа перебил жалость к себе, и остаток дня Лера проработала в спокойном, даже веселом настроении.

4

За ужином Машка неожиданно оживилась. Сначала рассказала Лере смешную историю о том, как некий Коля Мухин принес в садик мамин мобильник, по ошибке захватив его вместо своего, игрушечного. Телефон мирно лежал у пацана в кармане штанов, но во время тихого часа вдруг затрезвонил на всю группу.

Прибежавшая на шум рассерженная Катерина Михайловна потребовала отключить игрушку, но не тут-то было. Коля тыкал во все кнопки, но проклятый аппарат если и замолкал, то на несколько секунд, а потом начинал сигналить заново. Наконец воспитательница выхватила мобильник из рук парня, но от волнения и злости нажала на «Yes» вместо «No», и из трубки на всю спальню отчетливо разнесся бас Колиного папы, на чем свет стоит ругавшего жену за то, что она так долго не отвечала на его звонки.

Тихий час, конечно, сразу закончился. Какой там сон, если все тринадцать человек хохочут в голос и даже суровая Кате-

рина Михайловна держится за бока и вытирает наворачнувшиеся на глаза слезы!

Вечером сотовый благополучно вернули хозяйке, которая даже не заметила его отсутствия, думая, что телефон со вчерашнего дня спокойно лежит в ее сумочке. Колина мама была домохозяйкой, и, кроме мужа, на мобильный ей почти никто не звонил.

Вся эта история так развеселила Машку, что она долго и в ярких красках описывала ее Лере. Та сидела, внимательно слушая дочку, боясь спугнуть ее хорошее, радостное настроение, и понимающе кивала. Наконец, когда девочка закончила свой рассказ, Лера решила и осторожно спросила:

— Машуня, тебе ведь уже нравится в садике? Смотри, ты привыкла, тебе весело, ты смеешься. Так?

— Не так. — Машка сразу помрачнела и насупила светлые круглые бровки. — Я все равно не хочу туда ходить.

— Но почему? — допытывалась Лера. — Из-за Катерины Михайловны? Видишь, она не такая уж строгая, просто вас много, и ей приходится нелегко...

— Не из-за нее, — перебила Машка. — Из-за Вовки Звончука.

— Господи, — опешила Лера. — Ну а он-то чем виноват?

— Ага, чем! — запальчиво проговорила девочка. — А что он лезет? То за косу дернет, то ножку подставит. А сегодня... — Машка округлила глаза и произнесла страшным шепотом: — Сегодня вообще полез целоваться! Представляешь?

— А ты что? — машинально поинтересовалась Лера.

— Я? — зловещим голосом переспросила Машка. — Я ему врезала так, что он отлетел. Будет теперь знать!

Лера в изумлении смотрела на дочь. И это ее она всю жизнь считала робкой, домашней, не приспособленной к коллективу и не умеющей за себя постоять? Или любого, даже самого мягкого человека можно вывести из себя и заставить действовать жестко и решительно?

Машка тем временем, выпустив пар, слегка успокоилась, заметила Лерино смущение и виновато проговорила:

- Я плохо сделала, да? Ты бы так не поступила?
- Лера вспомнила сцену в кабинете у заведующего и невольно улыбнулась:
- Ты молодец. Я поступила бы точно так же. Одно дело — дергать за косички и подставлять ножки, но приставать с поцелуями — это уж слишком!
- Вот именно, — обрадованно подхватила Машка, не почувствовав в словах матери иронического подтекста. Она помолчала, раздумывая о чем-то своем, а потом тихонько спросила: — Мам! А папа скоро вернется?
- Скоро, Машенька, — с трудом выдавила Лера. — Подожди еще чуть-чуть.
- А мне кажется... — Машка подозрительно шмыгнула носом и отвернулась. — Мне иногда кажется, что он... вообще не вернется. — Последнюю фразу она произнесла совсем шепотом. Губы скривились, по щеке покатились светлая одинокая слезинка. Машка быстро провела ладошкой по лицу.
- Что ты! — Лера обняла девочку, прижала к себе, поцеловала в теплую, сладко пахнущую макушку. — Он обязательно приедет. Скоро. И поведет тебя в зоопарк.
- В цирк, — поправила Машка. — Он обещал в цирк. А... — она замялась и напряглась, точно сжатая пружинка, — а почему Катерина Михайловна сказала, что он нас... бросил?
- Когда это она сказала? — Леру точно током дернуло, даже дышать стало больно. — Кому? Тебе?
- Елене Ивановне, — доверительно сообщила Маша. — Она вчера думала, что я сплю. А я не спала и все слышала. Катерина Михайловна сидела за столиком и говорила: «Девчонка отца все ждет, а его давно и след простыл. Зачем обманывать, уж сказала бы мамаша».
- Ты ошиблась, — твердо проговорила Лера. — Она вовсе не тебя имела в виду.
- А кого? — Машка с надеждой подняла глаза.
- Другую девочку. Совсем другую, ее нет в вашей группе.
- Она в соседней? — догадалась Машка.

— Вообще не в вашем садике. Про нее в газете писали, а Катерина Михайловна прочитала и решила рассказать Елене Ивановне. Ясно?

— Да. — Машка прерывисто вздохнула. — Ты можешь со мной немного посидеть, пока я буду засыпать?

— Конечно.

Лера вымыла дочку, уложила на кушетку, укрыла одеяльцем. Машка тут же повернулась на бок, лицом к ней, взяла Лерину ладонь в руки и старательно зажмурилась.

В этот вечер она долго не засыпала. Лежала с закрытыми глазами, вздыхала, ворочалась. Лера и сама чувствовала себя точно на сковородке. Вот ведь зараза, эта веснушчатая Катерина!

Будто для того ей все рассказали, чтобы она во время тихого часа молола своим длинным языком! Хоть бы потрудились посмотреть, спит ли ребенок!

А может, она права, эта воспитательница? Хватит морочить Машке голову, пора рассказать ей правду. Через несколько месяцев девочке исполнится шесть — уже довольно взрослая для того, чтобы понять. Все равно до конца в красивую сказочку, придуманную Лерой, Машка больше не верит. Оттого и не засыпает, вертится с боку на бок.

В любом случае нужно еще раз поговорить с Ильей. К черту гордость! Надо позвонить ему, не дожидаясь, пока он соизволит сделать это сам, и поставить вопрос ребром. Пусть приходит к ребенку! А Машка должна знать, что Илья бросил не ее, а Леру, она осталась для него по-прежнему любимой и самой дорогой на свете.

Лера уже давно оттягивала этот неприятный разговор, предчувствуя, что ничего хорошего из него не выйдет. В самом деле, ну что она может? Алименты с отца суд имеет право взыскать, а обязать к общению с дочерью — нет.

Машка заснула, продолжая во сне сжимать руку матери, а Лера просидела полночи без сна, но так и не нашла решения. В конце концов она решила выждать еще чуть-чуть, наде-

ясь, что Илья все-таки усовестится и объявится сам. Это была страусиная политика, и Лера прекрасно понимала, что просто прячет голову в песок. Но слишком многое навалилось на нее в последнее время, чтобы со всем справиться достойно. С такими мыслями она и заснула на исходе ночи, когда до начала рабочего дня оставалось всего два с половиной часа.

5

Лера честно постаралась выполнить все обещания, данные Скворцову: уговорила Наталью самолично делать ему уколы вместо Насти, чем несказанно обидела последнюю, договорилась, правда, не без скандала, на кухне о том, чтобы иногда кашу деду заменяли на что-нибудь более удобоваримое. Кроме того, она теперь тщательно следила за тем, чтобы санитарки Галя и Надюша регулярно открывали в палате форточку — раньше они делали это далеко не всегда, хоть это и входило в их обязанности.

Единственное, чего не удалось сделать Лере, — поговорить с родственниками старика. Они в больнице так и не появились, Светка их координат не знала, а Максимов на просьбу Леры дать телефон опекунов Скворцова ответил неожиданно резким отказом.

Сам же дед чувствовал себя сносно и, хотя продолжал ворчать, во время утренних обходов стал более покладистым и сговорчивым. Особенно обрадовал его принесенный вместо овсянки омлет. Он долго придирчиво разглядывал желтоватую массу, лежащую на тарелке, затем осторожно подцепил кусочек вилкой и отправил в беззубый рот. Прожевал, замер на несколько секунд, точно прислушиваясь к тому, как пища улеглась в желудке, и стал есть дальше, поспешно, жадно, причмокивая и разбрызгивая слюну.

Лера наблюдала за ним с улыбкой, стоя у двери в палату, и, к своему удивлению, не чувствовала никакой брезгливости —

лишь нечто сродни умилению. Так когда-то с радостным интересом она смотрела, как полугодовалая Машка, захлебываясь и пачкаясь, ест свою первую кашку.

— Дед, ты прямо как ребенок, — с незлой насмешкой произнес Андрей, точно прочитав Лерины мысли.

Степаныч ничего не ответил. Он доел омлет до конца, вытер тарелку корочкой хлеба и, довольный, отвалился на подушку.

Андрей искоса взглянул на Леру, а потом полез в тумбочку, достал оттуда блокнот и принялся водить в нем карандашом.

За этим занятием Лера часто заставляла его, когда заходила в палату. Поначалу она думала, что Андрей со скуки ведет нечто вроде дневника, и даже попыталась предложить ему ручку вместо карандаша, чтобы удобнее было писать. Но Шаповалов только усмехнулся и от ручки отказался, а блокнот тщательно прикрывал всякий раз, когда Лера приближалась к его кровати.

Парень явно шел на поправку. Лера методично, день за днем уменьшала дозу гормона и с удовлетворением отмечала, что астматические хрипы при прослушивании становятся все менее заметными, а сердце пациента работает исправно, действительно, как хороший мотор.

Он по-прежнему предпочитал ни на что не жаловаться, так что Лере иногда буквально клещами приходилось вытягивать из него правду о самочувствии. Вообще, с Лерой Андрей был немногословен, даже, можно сказать, молчалив. Ответит на ее вопросы, а сам не скажет ничего.

Леру это слегка задевало. Она уже знала, что Шаповалов, или Дрюня, как все его называли в отделении, любимец персонала. Его обожали и санитарки, и сестры, и даже стервозная, лишенная всяких сантиментов Светка — именно за легкий, неунывающий характер, умение поддержать любой разговор, рассмешить. Часто, войдя в восьмую палату, Лера и сама становилась свидетельницей оживленного, веселого спора между Дрюней и Степанычем, причем оба за словом в карман не

лезли, особенно первый. Ругались, острили, поддевали друг друга, хохотали.

Однако ж, едва завидев Леру, Андрей умолкал, становился серьезным и даже замкнутым, снова тянулся к своему блокноту. Получалось, что она для него так и осталась чужой, не внушающей доверия, и это было обидно.

...Спустя неделю Светку наконец проводили в декрет. Ее уход неожиданно сильно осложнил Лерину жизнь. Прежде Светлана невольно являлась буфером между ней и Максимовым. Именно к ней Лера обращалась за помощью, если возникали вопросы, перед ней она отчитывалась за свои действия и назначения.

Светлана бывала груба и категорична, но ее недостатки казались конфеткой в сравнении с тем, что творилось теперь. Лере пришлось напрямую общаться с заведующим. Он же вел себя совсем не так, как в первые дни знакомства, полностью подтверждая прогнозы Анны: «Откажешь — получишь кучу проблем».

После того памятного дня Максимов кардинально изменил свое отношение к Лере. Он изводил ее бесконечными придирками по поводу и без, неуклонно, как машина, нацеленная на одну программу, фиксировал каждый ее промах, будь то пятиминутная задержка в буфете, слегка затянувшийся перекур с Настей на балконе, неточно или не вовремя сделанные в картах записи. Не оставлял шеф без внимания и жалобы Лериных больных, а такие случались, несмотря на ее приветливость и сдержанность в отношении пациентов. Все же Лера не была автоматом, а люди попадались всякие, в том числе совсем невыносимые, и она иногда срывалась, говорила резкости. Грубили больным все, причем в гораздо большей степени, но Максимов не трогал никого, кроме Леры.

Она терпела, стиснув зубы, уговаривая себя молчать в ответ на ругань шефа — ей не хотелось терять долгожданную работу.

Однако замечания — это было еще полбеды. Настоящим кошмаром стало то, что заводделением вовсе не прекратил